

«Ростов официальный» № 9 (1004) от 26.02.2014

5 февраля в гостях у «Ростова официального» побывал известный кинематографист, профессор кафедры операторского искусства Санкт-Петербургского университета кино и телевидения Юрий КАЛУГИН. Конечно же, мы не упустили возможности побеседовать с мастером документального кино.

О себе

— Я коренной ростовчанин. Окончил Ростовский университет, историко-филологический факультет. В силу многих обстоятельств стал работать на телевидении, прошёл путь от оператора до режиссёра и художественного руководителя «Донтелефильма». В 2002 году ушёл на пенсию. Переехал в Петербург и там был принят на работу в Санкт-Петербургский университет кино и телевидения. Меня взял на кафедру операторского искусства Эдуард Александрович Розовский, замечательный оператор и удивительный человек. К сожалению, его уже нет. Через четыре года я был переведён на должность профессора.

□ О кино

— Сегодня в России документальное кино в каком положении?

— В ужасном с одной стороны и в прекрасном — с другой. Документальное кино само по себе не может жить в условиях коммерции. Оно требует дотаций, на нём нельзя заработать денег. Оно существует за счёт государства. Когда рухнул Союз, документальное кино оказалось сиротой, брошенным ребёнком. Сейчас вот возникла, на мой взгляд, закономерная идея отдать документальное кино под покровительство телевидения. Оно должно иметь зрителя. Такие камерные показы, как сегодня в редакции, — это хорошо, но документальному кино нужен массовый зритель.

— С ужасным понятно. А прекрасное в чём?

— Это связано с тем, что документальные фильмы снимаются, и их очень много.

— За счёт чего?

— У нас огромная страна. Снимается отличное документальное кино в Иркутске, Новосибирске, Ханты-Мансийске.

— А кто спонсирует?

— Местное телевидение, иногда какие-то конкретные небедные люди. Я показываю эти фильмы студентам. Их не видит широкая публика, но я могу сказать, что работают над ними режиссёры высочайшего класса. Как пример, замечательный документалист со своим лицом Юрий Шиллер из Новосибирска, на мой взгляд, он Шукшин документального кино. Прекрасный мастер из Иркутска Володя Эйснер, отличный режиссёр из Екатеринбурга Володя Ермошенко. Это когорта талантов, и это уже не провинциальное кино. Оно показывается на международных фестивалях, но у него нет возможности добраться до зрителя здесь. Вот почему будет хорошо, если документалистика уйдёт под патронаж телевидения.

— Вас никогда не интересовало игровое кино?

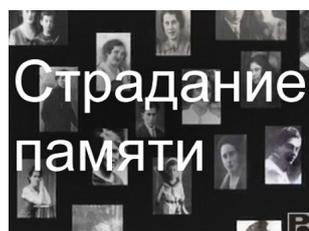
— Почему же, я работал и в нём. Например, делал большой сериал «Приподнятая целина» и другие. Но я всегда больше интересовался документальным кино. Не по критериям «лучше или хуже», просто игровое кино другое. Это не моя стезя.

— А что вы думаете о современном русском игровом кино?

— Плохо я о нём думаю. «Сталинград» — плохое кино; «Легенда № 17», которое взяло премию на «Золотом орле», — фальшивое кино. Оно мастерски сделано, да. Но... В прошлом году мы похоронили Алексея Юрьевича Германа. Мы говорили тогда со студентами — ушла эпоха. Остались ещё двое, Данелия и Хуциев. Больше нет никого. Для этих людей кино было нравственным поступком. А теперь нравственной нагрузки у кино стало совсем мало.

— Вы упоминали «Сталинград». Вокруг него ломались копья. Кто-то говорил, мол, перевираание, кто-то стоял на том, что пусть хоть так молодёжь запомнит Великую Отечественную...

— Весь ужас заключается в том, что кино превратилось в красивую картинку. «Сталинград» — это великолепные эффекты, высочайшее мастерство художника. Но, если посмотреть на сюжетную линию, обнаруживается вторичность, недостоверность, фальшь. Уходит глубокое осмысление жизни через кино. Михалков сделал «Противостояние» мастерски. Чудесная игра, постановка... и полное отсутствие достоверности.

О памяти

— Вы много занимались темой Холокоста. Почему?

— Если вы намекаете на национальность — да, моя мама еврейка, но отец русский, и по паспорту я русский. Тема Холокоста заинтересовала меня в 1992 году, после перемен в стране. Зачастую перемены связаны с антисемитизмом. После 1991 года у нас в подземных переходах красовались надписи «Бей жидов!». В 1992 году мне предложили сделать картину «Judenfrei: свободно от евреев». В этой картине использованы только подлинные документы. И, работая над фильмом, я понял, что нельзя к еврейской трагедии относиться формально. Есть формула: «убивали не только евреев, но только евреев убивали за то, что они евреи». Если это отходит на второй план — выплывает национализм. От этого никуда не деться, это факт.

— Почему сегодня эта тема становится предметом ревизионизма и даже насмешек?

— Я бы назвал это государственным цинизмом.

— Государственным?

— Да, потому что такие взгляды нередко поддерживаются официально. Взять хотя бы историю с доской в Змиёвской балке, когда на ней было убрано слово «Холокост».

Евреи виноваты всегда. Нет хлеба. Кто виноват? Жида, конечно. Это такой клапан для сброса недовольства. Государство холодно к этому вопросу. Это не только российское явление, это и в других странах происходит. Кстати, и сами евреи иногда меня удивляют. Я в Петербурге как-то обратился к еврейской общине: мол, могу показать у вас фильм о Змиёвке — ни малейшей реакции не получил. Недавно я выступал с фильмом о Змиёвской балке «Страдание памяти» в Еврейском общинном доме в Москве. На показ пришли от силы человек тридцать, в основном глубокие старики. И был один

негр. Это смешно. И грустно.

— Часто говорят, что сейчас «историю переписывают». Это действительно так?

— Вся беда в том, что советская история не слишком достоверна. Я как историк работал со многими уникальными материалами в закрытых спецхранах, в архивах ФСБ. Каждая эпоха рождает новые взгляды на историю. Когда наш писатель Даниил Гранин выступал в Бундестаге и рассказал, как во время блокады Ленинграда мать кусочками умершего сына кормила выжившую дочь, это был шок. И это показывает, что многое из истории от нас скрыто.

□ О боли

— По поводу этого выступления Гранина в интернете проходила волна возмущения, дескать, зачем такое вообще рассказывать, людей ужасать.

— Это предсказуемая реакция. Знаете, многие мои документальные фильмы трагические. Я выступал с ними во Франции и Швейцарии. Аудитория в основном эмигранты из России. Французов было крайне мало, швейцарцев ещё меньше. Я спрашивал тогда организаторов, в чём дело. Оказывается, проблема в том, что то, что я показываю, это очень больно. А люди не хотят этой боли, они желают жить спокойно, не думать о том, что может причинять боль. Русский писатель Вересаев на вопрос журналистов о том, какие идеи отстаивают русские писатели, ответил: «Мы, русские писатели, — не врачи. Мы, русские писатели, — боль».

Вы знаете, как Евтушенко написал «Бабий Яр»? Было начало шестидесятых годов. Евтушенко поехал в Киев, встретился там с писателем Анатолием Кузнецовым (автор документальной повести «Бабий Яр»). Кузнецов привёл Евтушенко в этот самый Бабий Яр. Они увидели там городскую свалку. Больше ста тысяч человек были засыпаны горами мусора.

В ту ночь Евтушенко написал «Бабий Яр» и передал его в «Литературную газету».

Тогдашний главный редактор «Литературки» согласился опубликовать, но сначала он съездил домой к жене посоветоваться, что они будут делать, когда его, редактора, уволят. Он опубликовал. И на следующий день был уволен. Но «Бабий Яр» стал прецедентом. За двое суток стихотворение обошло весь мир, его перепечатали многие мировые издания.

Это боль поэта. Если б её не было, не было бы и такого эффекта.

Это показательно. Настоящее искусство нельзя делать холодными руками, как делаются многие современные игровые фильмы. Смысл искусства — не поддаваться политике, а определять, что происходит с людьми, где болит. А когда с экрана, как сейчас, постоянно валится информация об убийствах, взрывах, ужасах — притупляется чувство боли. Нет сострадания и осознания. А ведь без этого мы потеряем не только искусство, но и самих себя.

Янина Чевеля

На снимке справа: начальные кадры фильма Ю. Калугина о Змиёвской балке

Фото Василия Редько